

Глава 1

Розалин Уайт приходилось очень нелегко: она едва сдерживала себя, потому что ей безумно хотелось прямо сейчас открыть эту посылку, которая лежала на тумбочке рядом с ее письменным столом. Она никогда не сомневалась в наличии у себя силы воли, однако это, видимо, не распространялось на ее единственное и страстное увлечение. В данный момент Розалин была сосредоточена на том, что пыталась игнорировать вожделенную коробку и тот факт, что взгляд ее сам собой неминуемо возвращался к ней каждые несколько минут.

Времени девушке катастрофически не хватало, потому что к вечеру во что бы то ни стало ей нужно было закончить проверку работ своих студентов. Обычно она брала студенческие тетради с собой, чтобы поработать с ними дома. Но сегодня прямо из кампуса она направлялась к своей подруге Гейл, у которой хотела провести этот уикенд. А поскольку в понедельник в колледже ее тоже не будет — с визитом к дантисту тянуть было уже некуда, — она должна была оставить проверенные тетради в ящике рабочего стола, чтобы их раздала ее заместительница.

Последующие три дня были расписаны у Розалин буквально по часам, и такая жизнь ей нравилась. Но вчера в размеренный порядок вмешались обстоятельства: она не ожидала, что, вернувшись домой, обнаружит почтовое уведомление о доставке долгожданной посылки, равно как не могла и предвидеть, что вечером ей придется срочно везти соседку

Кэрол в больницу. Все это выбило ее из колеи, и она не успела проверить студенческие работы еще накануне.

Утром по дороге в кампус она зашла на почту за посылкой и даже заранее сунула в сумочку ножницы, чтобы вскрыть ее прямо на месте. Но кто мог знать, что она задержится в очереди так надолго, что едва успеет на первую лекцию. В общем, у Розалин до сих пор так и не нашлось свободной минутки, чтобы удовлетворить свое любопытство.

Пятница всегда была для нее напряженным днем: три семинара подряд плюс потом еще непременно вопросы от тех студентов, которым не нужно было торопиться на следующее занятие. Вдобавок сегодня Розалин вызвала двух отстающих, чтобы серьезно поговорить с ними. А когда она уже было собралась быстренько перекусить и вскрыть наконец посылку перед проверкой тетрадей, ее неожиданно вызвал к себе декан.

Розалин до сих пор вся кипела от негодования после этого визита. Декан Джонсон сказал, что хочет лично сообщить ей неприятную новость, прежде чем она узнает об этом от кого-то еще: Бэрри Хортону официально предложили должность профессора в их колледже. Бэрри, самая большая неприятность всей ее жизни, служил явным доказательством того, что женщина может быть наивной и доверчивой в любом возрасте. И вот теперь этот тип еще и получил повышение по службе!

Декан изъяснялся очень дипломатично, но суть его высказываний сводилась к следующему: он надеется, что Розалин не будет поднимать шум по поводу этого назначения и не станет изводить Бэрри своими нападками. Как будто она только о том и думает, как бы снова пережить то ужасное унижение!

Она была голодна, злилась на Бэрри из-за его незаслуженного успеха и к тому же не могла сосредоточиться на

тетрадках, потому что рядом лежала эта дразнящая посылка-искусительница. Это походило на испытание силы духа. Она не прикоснется к этой упаковке, пока не будет проверена последняя экзаменационная работа и... Ну все, к черту! Кто же такое выдержит?!

Помимо истории Средневековья, в которой Розалин являлась специалистом и которую преподавала в колледже, старинное оружие было единственной ее страстью, единственным, что по-настоящему ее интересовало. Это увлечение перешло к ней от отца, коллекционировавшего холодное оружие, — согласитесь, весьма необычное хобби для священника из провинциального городка. После его смерти Розалин унаследовала коллекцию и теперь старалась пополнять ее по мере своих возможностей. Всякий раз, посещая Англию, она проводила в местных антикварных магазинах никак не меньше времени, чем в местных библиотеках, где собирала материал для своей книги, посвященной нормандскому вторжению.

Розалин принесла эту длинную коробку в классную комнату только потому, что не хотела оставлять ее в машине, точнее, ей было спокойнее, когда та находилась у нее на глазах. Слишком долго она ждала эту посылку. Узнав о существовании Проклятья Бладдринкера¹, Розалин потом еще три года преследовала владельца этого старинного меча, пока, к своей великой радости, не узнала, что этот раритет поступит в открытую продажу, а не будет выставлен на аукцион, где цена за него была бы для нее неподъемной. Однако Розалин ожидало столь же великое разочарование, когда она попыталась договориться о сделке с эксцентричным хозяином артефакта, сэром Айзеком Дирборном. Целых четыре месяца ей пришлось потратить на обсуждение

¹ Бладдринкер (*Blooddrinker*) — дословно: «Тот, кто пьет кровь». (Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.)

цены и различных формальностей, причем сама она лично в этом участия не принимала, потому что Дирборн наотрез отказался продавать меч ей.

«Женщина не может владеть Проклятием Бладринкера» — таков был ответ на ее первый запрос без каких-либо дополнительных объяснений. На все ее последующие звонки и письма Дирборн вообще не стал отвечать. Но тут, слава богу, в дело вмешался Дэвид, ее обожаемый названный брат, которого она любила как родного. В детстве он остался сиротой, и родители Розалин взяли его на воспитание в их семью. И только через четыре месяца переговоров, согласившись в конце концов на весьма необычные условия Дирборна, Дэвиду наконец-то удалось совершить заветную для нее покупку.

Когда он позвонил ей из Англии и сообщил, что отправил посылку с мечом на ее домашний адрес, она пришла в полный восторг, граничащий с экстазом, но была сильно удивлена, когда брат добавил:

— Роза, получилось так, что ты *в принципе* не можешь возместить мне мои расходы. Однако есть один нюанс: мне пришлось подписать клятвенное обязательство, согласно которому я не только никогда не продам меч какой-либо женщине, но даже не смогу завещать его ей. Впрочем, там ничего не было сказано о том, что его нельзя отдать просто так. Так что можешь считать это подарком от меня на твой день рождения — на ближайшие пятьдесят лет вперед.

Учитывая, что на покупку этого меча у нее ушли бы все сбережения, да еще пришлось бы занимать тысяч двадцать, она определенно была в долгу перед Дэвидом, даже если насчет подарка ко дню рождения он просто пошутил. Для него же это были пустяки, поскольку он был женат на богатой наследнице, которая обожала его и с удовольствием тратила на него свое состояние. Жена Дэвида Лидия тоже

была коллекционером: она питала слабость к домам, точнее, к старинным особнякам, подобно тому, как Розалин собирала коллекцию оружия. Однако делать такие подарки было чистой воды расточительством, и Розалин чувствовала себя обязанной Дэвиду, даже если ему было просто приятно доставить ей удовольствие таким образом. Для нее это было делом принципа, и она уже ломала голову над тем, что бы такого хорошего сделать для брата в благодарность.

Итак, не устояв перед искушением, Розалин дрожащей рукой вытащила из сумочки приготовленные ножницы. Первым делом она подумала, что нужно бы запереть класс, и даже машинально бросила взгляд на дверь, но затем сама себе улыбнулась. Кампус в это время был практически пуст, если не считать нескольких преподавателей и участников драматического кружка, репетировавших пьесу, которую мистер Хейли выбрал для студенческого спектакля в этом семестре. Ей никто не помешает, а если и помешает, то скрывать ей нечего. А переживать лишь из-за того, что этот Дирборн вбил себе в голову, что этим мечом не может владеть женщина...

Тем не менее, меч теперь ее. И она владеет им. Он станет украшением ее коллекции, самым старинным экспонатом, о котором она и мечтать не могла. Она особенно жаждала получить его, потому что он был таким *древним*. Розалин прежде никогда не видела его, даже на фотографии, но Дэвид заверил, что меч в отменном для своего возраста состоянии и что коррозия практически не коснулась его — странное, даже загадочное обстоятельство, если учесть, что его эфес датировался VIII веком, а стальной клинок был изготовлен в X столетии. Очевидно, что все его владельцы, начиная с тех древних времен, тщательно ухаживали за ним, а также ревниво берегли от посторонних глаз. Что ж, она продолжит эту традицию.

Взяв ножницы, Розалин перерезала прочную упаковочную пластиковую ленту и, отложив ее в сторону, открыла коробку. Внутри в набивке из соломы лежал изящный полированный футляр из красного дерева, перевязанный широкой подарочной лентой. Розалин улыбнулась, представив, как Дэвид завязывал этот бант из ленты, к концу которой был прикреплен небольшой ключик от футляра.

Осторожно вынув узкий деревянный ящик, который, собственно, и придавал посылке немалый вес, — девушка сразу ощутила его, когда на почте ей пришлось брать коробку обеими руками, — она сбросила картонную упаковку на пол. Когда бант был развязан, Розалин инстинктивно затаила дыхание, вставляя заветный ключик в замочную скважину. Легкий поворот — и замок тихо щелкнул.

Открыв крышку, девушка замерла, с благоговейным трепетом разглядывая изумительный исторический экспонат, возраст которого превышал тысячу лет. Длинное обоюдоострое лезвие, в двух местах слегка подвергшееся коррозии, потемнело от времени, но резная серебряная рукоять, в центре которой красовался темный шлифованный янтарь размером с двадцатипятицентовую монету, сохранилась прекрасно и теперь загадочно мерцала в свете настольной лампы. Еще три янтарные бусины украшали изогнутую гарду, а эфес обвивало какое-то непонятное выгравированное существо странной формы — то ли дракон, то ли змея, трудно сказать.

Это была работа настоящего мастера, пережившая века. Удивительной была и исключительная сохранность изделия, обычно характерная только для артефактов, обнаруженных в результате раскопок. Меч был явно скандинавского происхождения: она могла утверждать это, исходя из особого языческого стиля оружия. Этот меч, меч викингов, очевидно, сделанный по заказу состоятельного и знатного человека, даже имел собственное имя — Проклятье Бладдринкера.

Розалин была профессором истории, и, хотя эпоха расцвета викингов была не самым любимым ее периодом, она много знала о ней и относящихся к ней артефактах. Скандинавские воины славились тем, что давали своему оружию такие же причудливые имена, какие выбирали себе. Впрочем, Розалин не только прежде ничего не слыхала о Проклятье Бладдринкера, но даже не могла себе вообразить, почему первый хозяин мог его так назвать. Об этом теперь можно было только гадать, поскольку тайна сего необычного имени терялась в глубине веков.

Но Розалин, совершенно очарованная новым экспонатом своей коллекции, все-таки попробует ее разгадать. Сколько жизней унес этот клинок? Одну? Несколько? Несчетное множество? Викинги были воинственным и кровожадным народом. Хозяйничая в северных морях, они беспощадно грабили и убивали, атакуя противника стремительно и внезапно. Этот меч, видимо, участвовал в битвах на протяжении долгих столетий, поскольку не был похоронен вместе со своим первым хозяином, как это было принято в те времена. Но почему так случилось? Быть может, первый владелец потерял его? Или погиб не в бою, а просто умер в мирное время, перед этим подарив свое оружие кому-то другому? А возможно, его убили на чужбине, где рядом не оказалось ни друзей, ни соотечественников, а местные жители, разумеется, не стали соблюдать скандинавских обрядов погребения...

Вопросов у Розалин было множество, однако ответов на них ей не узнать никогда. Но теперь это уже не очень расстраивало девушку — ведь она стала обладательницей столь замечательного меча, и это чувство затмевало все остальное.

— Проклятье Бладдринкера, — вслух произнесла Розалин, чувствуя, что больше не в силах сдерживаться, чтобы

не взять в руки древний клинок. — Ты давно не занимался тем, ради чего тебя ковали. И хотя больше ты уже никогда не прольешь чьей-то крови, я даю тебе слово, что ты не будешь забыт и не останешься без внимания.

Пальцы ее сомкнулись на рукоятке, которая почему-то оказалась теплой. Когда Розалин подняла меч, лежавший на мягкой подкладке из золотистого бархата, он оказался тяжелее, чем она думала, и ей пришлось быстро подхватить рукоятку второй рукой, чтобы не уронить его. Держа грозное оружие перед собой, девушка вдруг услышала отдаленные раскаты грома. Не успела она удивиться, как в комнату через открытое окно ворвалось что-то наподобие молнии, заставив ее испуганно вздрогнуть. Перед глазами словно вспыхнула дюжина ярких электрических вспышек, ослепив девушку на какое-то время.

Тяжелый клинок стал клониться вперед, и Розалин подхватила его рукой, чтобы он не упал на полированную тумбочку. Девушка ойкнула, порезав палец об острую кромку лезвия, но это были пустяки по сравнению с тем, как испуганно оборвалось сердце в ее груди из-за едва не случившейся неприятности с полировкой. После этого Розалин аккуратно положила меч обратно в футляр, на бархатное ложе, мысленно кляня бездельников-метеорологов, обещавших ясную погоду на ближайшие два дня: три часа пути за рулем до дома Гейл под дождем доставляло мало удовольствия.

— Нет, вы слышали, профессор Уайт? — В класс к ней заглянул мистер Форбс, ночной сторож. — Странно все это.

— Просто неожиданная гроза, обычное дело. Ничего странного, — рассеянно ответила она.

Розалин быстро захлопнула крышку футляра, но запереть его на ключ у нее не вышло. Мистера Форбса она узнала по голосу, а рассмотреть не смогла. В данный момент Розалин видела лишь пятно света от настольной лампы

вокруг своего рабочего стола с плывущими по нему темными пятнами, тогда как остальная часть комнаты была для нее затянута мраком.

— В том-то и дело, профессор. Небо весь вечер совершенно чистое, ни единого тебе облачка.

Она собиралась уже возразить сторожу, что как раз перед вспышкой молнии слышала раскаты грома, но тут ее взгляд упал на стопку непроверенных тетрадей на столе. У Розалин совершенно не было времени для разглагольствований относительно превратностей погоды, даже если бы это ее действительно интересовало.

— Я бы не переживала по этому поводу, мистер Форбс, — сказала она, уходя от разговора. — По-моему, если гроза развеялась, так и не дойдя к нам, это только к лучшему.

— Да, мэм, конечно, — согласился сторож и закрыл за собой дверь.

Услышав, что он ушел, она долго терла веки под очками в тонкой металлической оправе. Когда девушка в следующий раз взглянула на свой стол, темных пятен перед глазами стало уже немного меньше.

И тут она снова вздрогнула, потому что в комнате опять прозвучал мужской голос, на этот раз низкий и незнакомый, причем в нем послышались нотки... злости? простого раздражения? Что бы это ни было, но от этого голоса по спине Розалин пробежал холодок.

— Не следовало вам вызывать меня, леди.

Глава 2

Поскольку смысл прозвучавших слов для Розалин был непонятен, она решила, что ослышалась.

— Что вы сказали, простите? — переспросила она, глядя в темный силуэт у окна.

Свет настольной лампы туда не доставал, а перед глазами у нее все еще плыли темные круги. Территория студенческого городка была хорошо освещена в вечернее время, и на фоне относительно светлого окна отчетливо выделялась крупная мужская фигура. Всматриваясь в этого человека, Розалин отметила для себя одну странность: он ей не отвечал, продолжая стоять молча. И снова по спине у нее пробежал холодок страха.

Впрочем, девушка тут же прогнала его и даже рассердилась на себя. В конце концов она все-таки профессор, хозяйка в этой аудитории. А он, видимо, студент. Да и мистер Форбс, наверное, неподалеку, и его можно позвать в любой момент. Тем не менее, ее тревожил сам факт того, что она настолько увлеклась, что не заметила, как вошел незнакомец.

Но затем Розалин вспомнила, чем занималась, пока мистер Форбс не прервал ее, и поэтому настороженно спросила:

— И давно вы прячетесь там, в тени... мистер?

Он не только не представился, но даже не отреагировал. Это становилось уже неприятно и вызывало раздражение. Розалин встала и, подойдя к двери, включила

верхний свет, чтобы рассмотреть своего неучтивого посетителя. Яркий электрический свет залил всю комнату, посреди которой, запрокинув голову вверх и уставившись на лампу под потолком, стоял незнакомый мужчина. При этом он то ли хмурился, то ли щурился. И определенно был крайне удивлен.

Парень крепкий, накачанный; если он еще не играет в американский футбол, то у них наверняка будет играть. Тренер футбольной команды колледжа Уэстерли наверняка бы отдал все на свете, лишь бы заполучить себе такого игрока, даже несмотря на то, что тот, пожалуй, немного староват для спорта: на вид он был где-то ее возраста или чуть старше, лет тридцати. Но он находился в отличной форме — сплошные мышцы. К ней на лекции ходило несколько таких качков, и все они больше отвлекали аудиторию своими скабрёзными шуточками, чем слушали то, о чем она рассказывала.

Розалин поймала себя на том, что подгоняет этого парня под определенный стереотип просто потому, что ее студентки отозвались бы о нем, как о «горе мускулов» — и были бы правы. Но больше всего ее удивила его одежда, точнее, ее частичное отсутствие. Сообразив в конце концов, что это какой-то театральный костюм, она едва не рассмеялась.

На нем были штаны из грубой кожи или замши, которая походила на плохо выделанную шкуру. Штанины от щиколоток до колен были плотно прихвачены к ногам кожаными ремешками крест-накрест — хорошо знакомый ей средневековый стиль. На диковинных штанах сверху имелись две кожаные лямки: длинная уходила за спину и, опоясывая талию, была узлом связана с короткой спереди, чуть ниже пупка, удерживая штаны на бедрах. Если там имелись пуговицы или змейка, все это было тщательно замаскировано.

Розалин могла только восхититься мастерством новой портнихи, шившей театральные реквизиты для мистера Хейли. Такое внимание к деталям! Не штаны, а просто музейный экспонат! И никаких петель для пояса, разумеется. Да и сам пояс шириной почти три дюйма был сшит идеально: плотно охватывал узкую талию незнакомца, также помогая удерживать штаны. Вообще, костюм выглядел очень простым и даже грубым, за исключением большой круглой пряжки, раскрашенной под золото. Невысокие сапоги из шкур, сшитые швом наружу, наподобие мокасин, были перехвачены ремешками чуть выше щиколоток.

Мускулатура мужчины сразу бросалась в глаза, главным образом потому, что на нем не было рубашки — это обстоятельство сперва и удивило Розалин больше всего. Но потом она решила, что костюм незакончен или же сценарий мистера Хейли предполагает персонажа с голым торсом. Она должна была признать, что конкретно эта обнаженная грудь выглядела весьма впечатляюще: широкая, слегка покрытая светло-коричневыми волосками, с хорошо развитыми мышцами, но не такими чрезмерно вздутыми, как у культуристов. Гримерша мистера Хейли также заслуживала комплиментов: на груди и мощных руках незнакомца красовались мастерски нарисованные шрамы, которые, по-видимому, изображали следы былых сражений.

На шее у него висело небольшое мужское ожерелье в старинном стиле — двойная нитка массивных полированных бусин, опять же под золото. Светло-каштановые волосы эффектно спадали чуть ниже плеч — вполне вероятно, что как раз из-за прически ему и досталась в спектакле эта роль средневекового воина, сакса или викинга.

И снова по спине Розалин пробежал холодок. Что-то сверхъестественное было в этом совпадении: всего несколько минут назад она держала в руках аутентичный меч викин-

га, и вот теперь перед ней появляется этот странный студент в костюме опять-таки викинга.

Он медленно опустил поднятую к лампе голову и теперь пристально смотрел прямо на нее: вероятно, от яркого света у него сейчас перед глазами тоже плыли темные круги. При взгляде на него Розалин, помимо прежнего беспокойства, почувствовала что-то еще. Он был хорош собой, и в его суровой грубоватой красоте было нечто завораживающее, чуть ли не гипнотическое. Почти прямые широкие брови. Глубоко посаженные синие глаза. Правильной формы нос на фоне крутых скул. Тонкие губы и очень мужественный и даже агрессивный квадратный подбородок.

Если бы он улыбнулся, на его щеках, наверное, появились бы ямочки. Но сейчас, казалось, ничто не могло смягчить выражение гнева на его лице. Мужчина был рассержен, а в его интонации она уловила досаду или даже злость.

Они продолжали смотреть друг на друга, и затянувшаяся пауза становилась неловкой. Розалин уже собиралась прервать ее, повторив свой вопрос, но тут его взгляд неторопливо скользнул вниз по ее телу, задержался — пожалуй, излишне долго — на ее голых икрах и все так же медленно вернулся к ее лицу.

Розалин мгновенно вспыхнула — мужчины себе такого с ней не позволяли — и потупила взгляд по привычке, выработавшейся у нее еще со школы, когда мальчишки проявляли к ней интерес, а она не хотела, чтобы они к ней приставали. Не хотела она этого и сейчас, о чем красноречиво говорил ее очень строгий деловой костюм.

Очки, которые носила Розалин, на самом деле были ей не нужны: стекла в них были простыми, а не диоптрийными. Она редко пользовалась косметикой, а в колледже — вообще никогда. Все ее юбки были на дюйм ниже колен, платья она предпочитала прямого кроя или же с поясом

ниже талии; и не столько ради свободы движений, сколько для того, чтобы не привлекать своими формами нескромные мужские взгляды. Туфли она носила с квадратными носками, на низких, не более двух дюймов, каблуках. Одним словом, все наряды девушки были начисто лишены кокетливой игривости.

Даже свои красивые каштановые волосы Розалин укладывала в старомодный узел на затылке. Бэрри как-то сказал ей, что ему очень нравится насыщенный рыжеватый оттенок ее волос. А когда она с ним рассталась, то серьезно задумалась над тем, чтобы перекраситься в брюнетку.

Неожиданно незнакомец заговорил:

— Вам, леди, следовало бы соответствующим образом приодеться, прежде чем вызывать меня.

Розалин покраснела еще больше, потому что его голос прозвучал... возмущенно. Она даже машинально окинула себя взглядом на предмет каких-либо проблем с одеждой — расстегнутой ненароком пуговицы на блузке, развязавшегося пояса, сползшего чулка. Но нет, ничего такого: в своем синтетическом наряде, без единой складочки, она выглядела так же опрятно и безлико, как всегда.

Пока Розалин оглядывала себя, ее очки сползли на кончик носа. Она быстро поправила их и напустила на лицо недовольное выражение строгого преподавателя.

— Я здесь не для того, чтобы вы со мной репетировали свой спектакль. Если вы заблудились, могу подсказать, что драматический кружок находится дальше по коридору, четвертая дверь отсюда.

Она прошла обратно к своему столу, села и, решительно взяв из стопки верхнюю тетрадь, сделала вид, что читает, хотя на самом деле просто ждала, когда этот мужчина удалится. Однако, так и не услышав ни его шагов, ни звука закрывающейся за ним двери, Розалин вновь ощутила беспокойство.

Отказавшись от идеи и дальше игнорировать его, она обернулась через плечо. Он по-прежнему был здесь, но по крайней мере уже не сверлил ее своим пронзительным взглядом. Вместо этого незнакомец со странным выражением на лице, очень напоминавшим восхищенное изумление, осматривался по сторонам, как будто никогда в жизни не видел парт, классной доски, не говоря уже о больших географических картах и цветных плакатах с изображениями средневековых рыцарей.

Внезапно его глаза задержались на одной из таких картинок, и в них мелькнула искра узнавания.

— Кто этот талантливый живописец, который так похоже изобразил лорда Вильгельма? — с удивлением поинтересовался он.

Розалин уловила в его речи иностранный акцент, происхождение которого определить не смогла. Проследив за его взглядом, она поняла, что он имеет в виду фотографию мужчины в длинных одеждах XI столетия.

— Какого лорда?

Его синие глаза вновь устремились на нее.

— Вильгельма Незаконнорожденного, — надменно ответил он, и по его тону она поняла, что задала, с его точки зрения, глупый вопрос.

Науке был известен только один Вильгельм Незаконнорожденный, нормандский герцог, коренным образом изменивший историю Англии и известный также под именем Вильгельм Завоеватель. Как можно было уловить сходство между портретами Вильгельма, сохранившимися на старинных гобеленах XI века, и этим молодым жеребцом с учебного плаката? Общего у них было разве что мощный торс.

Розалин строго нахмурила брови. Он либо издевается и морочит ей голову, либо, вживаясь в образ, обкатывает

на ней какие-то черты своего театрального персонажа. Ни то, ни другое ей не нравилось.

— Послушайте... мистер?

На этот раз он наконец уловил вопрос в ее интонации и ответил:

— Имя мое Торн¹.

Розалин застыла на месте. Сколько раз вульгарные молодые парни подкалывали ее шуточками вроде «Твоему кусту, Роза, не помешало бы несколько хороших шипов» или «Хотел бы я быть шипом в твоём милом кустике, Роза»! А она-то наивно надеялась, что после студенческих лет никогда уже не услышит таких пошлых и грубых намеков.

Тут девушка подумала, что вряд ли это просто заблудившийся участник драматического кружка. Скорее всего, его наняли, чтобы разыграть ее, и единственным, кому такое могло прийти в голову, был, конечно, Бэрри Хортон. Возможно, таким издевательским способом он намеревался показать ей, что по праву заслужил должность профессора. Да, это на него похоже. А что до незнакомого акцента... В Уэстерли Бэрри завел дружбу с несколькими иностранными преподавателями и их друзьями. Наверное, это добавило ему самооценки, и он возомнил о себе бог весть что.

Ее с новой силой охватила злость, которую она испытывала в кабинете декана. Ах ты ворюга, лжец, кусок дерь... Ее отец перевернулся бы в своей могиле, если бы мог читать сейчас ее мысли. Поэтому Розалин остановилась, решив, что не станет опускаться до грязных оскорблений, и лишь бросила гневный взгляд в сторону этого исполнителя шуток Бэрри.

— Так вот, мистер Торн...

---

¹ Торн (*Thorn*) в переводе с английского означает шип, колючка.

— Нет, Торн — это мое имя, а не фамилия. Меня зовут Торн Бладдринкер. Только вы, англичане, вставляете при обращении к благородному человеку это свое «мистер».

Господи, значит, он слышал, как она разговаривала с мечом, и теперь использует это, продолжая насмехаться над ней. При мысли о том, что он теперь, скорее всего, передаст все слово в слово ее бывшему жениху, ярость ее достигла высшей точки.

— Мы, *американцы*, при обращении к человеку, как вы выразились, можем ограничиваться простым «мистер», что я и собираюсь делать в дальнейшем. А теперь, *мистер*, прошу вас уйти. И передайте мистеру Хортону, что шуточки у него такие же недалекие, как и он сам!

— Благодарю вас, леди. Вы приняли мудрое решение, отсылая меня обратно. Но еще мудрее с вашей стороны было бы больше никогда меня не вызывать.

Розалин насмешливо фыркнула. Она даже не собиралась расшифровывать эти его ребусы, а просто решила больше не обращать на него внимания. Продолжая игнорировать незнакомца, она снова перевела взгляд на тетрадь, которую держала перед собой. Но если этот тип не удалится в течение ближайшей пары минут, она вызовет охрану студенческого городка.

Однако тут снова раздались раскаты грома, заставив девушку вздрогнуть от неожиданности. Помня, что случилось при этих звуках в прошлый раз, она крепко зажмурила глаза, хотя толку от этого было мало: вспышка молнии, осветившая классную комнату, была такой яркой, что не помогли даже сомкнутые веки.

Впрочем, темных пятен перед глазами было теперь намного меньше, и, взглянув в окно, Розалин отчетливо увидела безмятежный студенческий городок. И ни малейших признаков ветра или дождя. Она нахмурилась. Такая тишина,

конечно, ничего не означала — гроза могла налететь в считанные секунды. Чертовы метеорологи... Неужели при нынешних технологиях так сложно сделать нормальный прогноз хотя бы на сегодняшний день? Похоже, матушка-природа с ее вечными капризами отказывается сотрудничать с этой братией.

Оглянувшись по сторонам, Розалин убедилась, что странный незнакомец наконец исчез из класса. Она вернулась к работе, стараясь не думать о том, как будет хохотать Бэрри Хортон, когда узнает, насколько удачно сработал его розыгрыш. Она до сих пор была такой же легковерной, как и тогда, сразу после их знакомства, когда так наивно верила его лживым признаниям в любви.

Розалин снова потерпела фиаско, и единственным ее утешением было то, что ее нравственные устои, привитые отцом, остались непоколебимы. Бэрри Хортон мог надеть ей колечко на палец, мог украсть результаты ее двухлетней работы, но ему так и не удалось затащить ее в постель. Вероятно, на подсознательном уровне она чувствовала его неискренность. А может быть, ее сердце еще не было готово любить. Как бы там ни было, Розалин была благодарна судьбе хотя бы за эту маленькую победу: все лучше, чем ничего.

Глава 3

— Ну, так ты покажешь мне его, наконец, или как?

Розалин усмехнулась и вместе с Гейл подошла к стоящему у кровати комоду, на котором лежал длинный деревянный футляр. Вчера она приехала к своей подруге так поздно, что у них не было времени толком поговорить. И вот теперь, после завтрака, она сообщила Гейл, что долгожданная посылка из Англии наконец прибыла и она даже привезла ее с собой. Гейл всегда была в курсе всех дел своей приятельницы, и поэтому хорошо знала историю покупки старинного меча.

Девушки выросли вместе в небольшом городке в штате Мэн, ходили в одну школу, даже поступили в один колледж. Сколько Розалин помнила себя, Гейл всегда была важной частью ее жизни и лучшей подругой. Никто не знал ее лучше, чем Гейл, даже Дэвид, потому что с ним она не делилась теми сокровенными тайнами, о которых рассказывала Гейл.

Подруги были абсолютно не похожи. Розалин — рыжеватая шатенка с шоколадно-карими глазами, Гейл — голубоглазая блондинка. Высокая Розалин обожала книги и была очень застенчивой, а низенькая круглолицая Гейл шагала по жизни совершенно бесстрашно. Они органично дополняли друг друга: чего не хватало одной — то имелось у другой.

В средней школе обе практически не ходили на свидания, хотя Гейл и пыталась. Но ей частенько отказывали, потому что в подростковом возрасте она, не отличаясь особой привлекательностью, никогда не лезла за словом в карман,

и это отпугивало юношей, которые могли бы ею заинтересоваться.

У Розалин же просто не было времени на мальчиков. Она четко знала, чего хочет от жизни, и сюда в том числе входила отличная учеба. К сожалению, ее природные способности нельзя было назвать выдающимися, поэтому ей приходилось работать намного усерднее остальных, чтобы получать те оценки, которые она хотела. Своего нынешнего положения она добилась упорным трудом на протяжении всей своей жизни. Но постоянная учеба и карьерное продвижение в науке не оставляли Розалин времени на личную жизнь.

С годами Гейл превратилась в миниатюрную красотку, хотя и немного пухленькую, но теперь она совершенно не переживала по этому поводу, и это было заметно по ее уверенности в себе. На втором курсе колледжа она выскочила замуж, бросив учебу, причем на тот момент это было уже третье предложение руки и сердца, которое она в итоге и приняла.

Розалин никогда бы не совершила такой безрассудный поступок, даже если бы ее и позвали замуж. Но никто и не звал. Парни обращались к ней только за тем, чтобы она помогла им с занятиями. А те немногие, с которыми она все же ходила на свидания, быстро сообразили, что с ней приятно проводить время ровно до тех пор, пока дело не доходило до обнимок на заднем сиденье автомобиля. А поскольку их в основном интересовала именно эта часть программы, для этих целей они находили других девушек.

Первым мужчиной, проявившим к ней настоящий интерес, был как раз Бэрри Хортон. Гейл, узнав такую новость, с возгласом «Наконец-то!» сделала вид, что упадет в обморок от счастья, потому что на тот момент Розалин было уже двадцать шесть. Хортон начал преподавать в Уэстерли на год позже нее, и их объединило общее увлечение историей.

Благодаря своим высоким баллам в учебе, Розалин на последнем курсе колледжа получила предложения о работе от нескольких престижных заведений, в том числе и от колледжа Уэстерли. Она выбрала именно его по нескольким причинам: он располагался в небольшом городке, и ей это нравилось; до Гейл было всего три часа пути на машине; к тому же здесь ей пообещали через год постоянную должность преподавателя — при условии, что она оправдает их ожидания. И Розалин оправдала.

Начав встречаться с Бэрри вскоре после его приезда в Уэстерли, девушка сделала для себя открытие: не все мужчины сначала лезут под юбку, а потом пытаются поговорить. Он покорила ее своим интеллектом, и ей это настолько в нем понравилось, что она, особо не задумываясь, решила, что влюблена в него.

Предложение от Бэрри последовало намного позже, но, вскоре после того, как она согласилась выйти за него, он украл ее рабочие черновики, материал для книги по истории Средневековья, которую она писала. Розалин сначала об этом даже не догадывалась: бумаги просто пропали, и Бэрри высказал предположение, что их случайно выбросили с мусором. Два года работы пошли насмарку — в душе Розалин чувствовала страшное опустошение. Однако через год ее книга все-таки увидела свет — правда, под авторством Бэрри Хортонна.

Как оказалось, он делал все возможное, чтобы она вышла за него замуж до публикации книги. Но девушка по той или иной причине все откладывала свадьбу. Если бы Розалин верила в сверхъестественное, то решила бы, что в те дни ее поведением руководила какая-то крестная-фея из известной сказки, которая уберегла ее от еще большей ошибки.

В итоге возмущенная Розалин, конечно, подала на Бэрри в суд — и едва не потеряла из-за этого работу, потому что

декан настоятельно рекомендовал ей отказаться от своих обвинений. Дело девушка проиграла, поскольку ее посчитали озлобленной отвергнутой стервой, готовой на все, чтобы отомстить своему бывшему возлюбленному. Таким образом, Бэрри теперь пожинал плоды ее трудов, зато Розалин извлекла для себя ценный урок — никогда нельзя доверять мужчинам.

Все это случилось полгода назад, и с тех пор она серьезно подумывала о том, чтобы оставить свою должность в колледже Уэстерли и переехать куда-нибудь в другое место. Розалин не желала жить даже в одном штате с Бэрри Хортоном, не говоря уже об одном кампусе, где им обязательно придется часто пересекаться и где он не оставит ее в покое со своими гнусными шуточками вроде той, что устроил вчера.

Розалин собиралась принять окончательное решение этим летом, во время своей ежегодной поездки в Англию, в Кавено-коттедж — дом, доставшийся ей в наследство от бабушки пять лет тому назад. Именно там она написала большую часть своих научных исследований и там же впервые услышала о Проклятье Бладдринкера.

Сейчас, открывая крышку футляра, девушка испытывала то же нетерпеливое возбуждение, что и вчера вечером. Но теперь к нему примешивалось что-то еще. И как раз это «что-то» заставило ее предупредить подругу на всякий случай:

— Смотреть смотри, но руками не трогай.

Гейл рассмеялась.

— Ох, Роза, ты говоришь так, будто речь идет о твоём мужчине.

— Ну, это тебе лучше знать, — фыркнула Розалин.

Она сама не понимала, зачем произнесла эти слова, от которых веяло какими-то собственническими устремлениями, чего за ней прежде не замечалось, — все это вышло

машинально. Да, она гордилась своей коллекцией, но никогда не старалась ревностно прятать ее от других.

Поэтому Розалин быстро добавила, стараясь как-то загладить неловкость:

— Этот экземпляр очень древний, и я боюсь даже держать его на открытом воздухе, не то что брать в руки. Глупо, конечно, я понимаю, — этому мечу столько лет, и при этом он отлично сохранился. Но я все равно буду беспокоиться, пока он не окажется под стеклом в моей коллекции в полной безопасности от вредных воздействий.

— Я не виню тебя. Такое смертоносное оружие определенно нуждается в твоей опеке. — Гейл сказала это с очень серьезным видом, но через секунду они обе расхохотались. — Слушай, а он действительно очень красив, этот меч, так и тянет его потрогать. Закрывай крышку скорее, а то я за себя не ручаюсь!

Гейл, разумеется, дразнила ее, но Розалин тем не менее действительно быстро закрыла футляр и заперла его на ключ. Если кто-то и не мог за себя поручиться, то это, скорее, была она сама, потому что на нее вдруг снова нахлынуло жгучее желание взять клинок в свои руки, как это случилось с ней вчера вечером. И она решила, что у нее опять разыгралось воображение — другого объяснения быть не могло.

— Кстати, насчет того, что мне «лучше знать», — заявила Гейл. — Я вижу проблему, подруга. Ты наконец заполучила старинный меч, за которым гонялась последние четыре года, и с карьерой у тебя тоже полный порядок. Возникает вопрос: когда же ты собираешься вплотную заняться своей личной жизнью?

Розалин внутренне содрогнулась, хотя и понимала, что, раз она здесь, то рано или поздно эта тема неизбежно всплывет.

— Я ведь уже пыталась, ты знаешь.

— Брось, Роза, далеко не каждый встретившийся тебе мужик обязательно окажется придурком вроде Бэрри. С интеллектуалом ты уже попробовала. А как насчет спортсмена или даже работяги, человека, который работает руками, а не головой, которому, по большому счету, плевать на твою книгу, так что тебе не нужно будет постоянно прятать от него свои черновики, но который будет регулярно заваливать тебя на кровать. С упором на последнюю часть — «заваливать на кровать».

Гейл обожала мачо, эдаких «настоящих мужиков». Розалин улыбнулась, но не повелась на провокацию.

— Слушай, я ведь совсем недавно рассталась с Бэрри...

— Ничего себе «недавно»! Давно, и даже слишком!

— Ну, я стараюсь искать... — начала сочинять Розалин.

Но Гейл пренебрежительно хмыкнула, оборвав ее.

— И где же ты ищешь? В кампусе? Ты же никуда не выходишь. Посмотри на себя. Ты слишком много работаешь, Роза. У тебя мешки под глазами — от слез, надо полагать. Сплошная работа и никаких развлечений...

— Ох, перестань. Похоже, в эти выходные ты собираешься плотно окружить меня своей материнской заботой. Надеюсь, ты не заставишь меня укладываться спать засветло?

— Шутишь, да? Очень смешно. Я собираюсь затащить тебя во все значные места, какие удастся вспомнить. И одна из нас обязательно найдет тебе нормального мужчину. Отсыпаться будешь дома, тебе это, кстати сказать, не помешает. Не хочется, чтобы ты, когда приедешь ко мне в следующий раз, снова выглядела так, будто валишься с ног от усталости.

Розалин вздохнула.

— Возможно, я действительно слишком много времени уделяла своей книге — помимо того, что еще приходилось

брать студенческие работы для проверки на дом. Но ничего, семестр уже почти закончился. Я надеюсь, что смогу хорошенько отдохнуть этим летом в Англии.

— Ну да, конечно, — скептически заметила Гейл, которая знала Розалин слишком хорошо. — Там ты, как обычно, будешь разрываться между охотой за очередными антикварными вещицами и своими исследованиями, не оставляя себе времени ни на личную жизнь, ни на отдых, и тем самым в очередной раз загоняя себя.

— Ну, на отдых-то время найдется, обещаю. А что касается личной жизни... Знаешь, я все еще не готова на подобные авантюры, Гейл. Может быть, когда вернусь из Англии...

— А что, если ты встретишь идеального мужчину именно в Англии? Не загоняй себя в рамки, как ты привыкла это делать.

— Окей, я буду помнить о такой возможности, — торопливо ответила Розалин, просто чтобы побыстрее закрыть эту тему. — Если я вдруг столкнусь там с мистером Совершенство, уж я его не пропущу.

— Обещаешь?

Розалин неохотно кивнула, не придавая своему обещанию особого значения. За все эти годы ей встретилось всего несколько мужчин, которые ей понравились, но те практически не обращали на нее внимания. К тому же она была просто не готова к новым отношениям, которые предполагают взаимное доверие. Потому что весь имевшийся у нее запас доверия к мужчинам был потрачен впустую на Бэрри. Но может быть когда-нибудь... потом...